

О. Н. Павляк

ОБРАЗ ОКЕАНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ
ОДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА
«УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ»

Образ Океана рассматривается как смыслообразующий центр оды М. В. Ломоносова «Утреннее размышление о Божием величестве». Выявляется своеобразие художественной организации названного образа, его место и концептуальное значение в общей картине мира поэта.

The image of the Ocean is considered as central for M. V. Lomonosov's ode Morning Meditation on the Greatness of God. The author emphasises the originality of the structure of this image and determines its role and conceptual meaning in the world image of the poet.

Ключевые слова: Ломоносов, ода, жанр, поэтика, образ.

Key words: Lomonosov, ode, genre, poetics, image.

В поэзии М. В. Ломоносова особое место занимают духовные оды «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве». В известном смысле они написаны «на случай», как и предполагал жанровый канон XVIII века, но это случай не внешней для автора жизни, а глубоко личного религиозного переживания.

Исследуя творчество Ломоносова, известный ученый Г. А. Гуковский обратил внимание на весьма важную структурную особенность его оды: она «распадается на ряд лирических отрывков, связанных чаще всего вставными строфами, в которых введена тема самого поэта, носителя лирического волнения» [1, с. 18]. Хотелось бы добавить, что «вставные строфы» нередко представляют собой некую концептуальную целостность и являются значимой и неотъемлемой частью общей картины мира поэта. К числу таких фрагментов относится описание «вечно горящего Океана» в оде «Утреннее размышление о Божием величестве».

«Размышление» как таковое представляет собой эмоциональное переживание истины, абсолютно известной автору, ее суть сводится к утверждению безграничного «величества» Творца. Для этого Ломоносов постепенно выстраивает картину божественного пространства планетарного охвата. Он обнаруживает пространство земли («Уже прекрасное светило // Простерло блеск свой по земле» [2, с. 143]), и пространство неба («Когда бы смертным столь высоко // возможно было взлететь» [Там же]), между ними нет оппозиционности. В ветхозаветной традиции земля и небо прежде всего творенья Божьи («В начале сотворил Бог небо и землю» — Быт. 1). В традиции Нового Завета небо и земля объединены Иисусом. Земля — это пространство земной жизни, мир дольний. Небо же, вечное, незыблемое, ассоциируется с пространством горнего мира, вечным блаженством, Царством Небесным. Ломоносов оценивает единство земли и неба в соответствии с этими религиозными представлениями. Отсутствие оппозиционности, разумеется, не означает абсолютного равенства в принципах изображения. Сама удаленность небесного пространства, его принципиальная непознаваемость как в физическом, так и в метафизическом смысле побуждают автора уделить ему особое внимание. В данном случае загадка неба представлена в образе Океана:

...Горящий вечно Океан.
Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борючись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.
Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна [2, с. 143].

Изображение Океана начинается в последнем стихе второй строфы и заканчивается в начале четвертой. Данный фрагмент текста представляет собой относительно завершенную поэтическую реальность. Прежде всего это видно по формальным признакам достаточно традиционной композиционной организации. В первой строчке названа тема, затем она развивается в полнокровный образ и завершается лирическим итогом. Межстрофические паузы, разделяющие первую и третью фазы сюжета, ставят их в ударную позицию и создают для этого образа

ритмическое обрамление. Самое главное, они формируют две смысловые парадигмы, определяющие направление лирического движения: Океан по отношению к человеку и Океан по отношению к Богу. Иными словами, Океан — каким он мог бы предстать перед «бранным оком» человека и чем он является для Создателя. При этом для «ока» «смертного» картина бушующего Океана лишь воображаема, для того чтобы ее увидеть, нужно выполнить условия физически невыполнимые — «возлететь к солнцу». Таким образом, сама возможность приближения к сути сокровенного знания источника жизни становится только предполагаемой, хотя и бесконечно желанной, целью. И уже даже это обнаруживает дистанцию между Творцом и творением. Далее эту мысль укрепляет сама картина Океана.

Образ Океана глубоко символичен. Во многих культурах мира это «первичный источник жизни» [3, с. 227]. Очевидно, что и для Ломоносова Океан — сердцевина жизни, ее источник, отсюда эта мощная динамика в изображении грандиозной картины его существования. Однако в данном случае сама эта грандиозность становится доминирующей чертой сложного символа. Картина Океана, прежде всего, образно воплощает громадное метафизическое пространство, не поддающееся эмпирическому определению. Следует заметить, что Океаном Ломоносов называет солнце, которое, в свою очередь, также имеет богатую символическую традицию. Солнце — это «олицетворение жизни, света, силы, энергии и т.д. <...> В христианстве солнце — олицетворение Христа» [4, с. 518]. В таком ассоциативном ореоле символ *Океан* читается не как абстрактный «источник жизни», но как источник жизни, озаренной Христовым светом.

Таким образом, солнце и Океан составляют единую, достаточно сложную образно-семантическую структуру, в которой один образ налагается на другой, символические смыслы вступают в неожиданные комбинации, произрастают один внутри другого, формируя картину бытийного содержания. Все описание должно максимально проявить ее величие и динамизм. Этой цели служат и многочисленные существительные (*валы, берега, вихри, камни, дожди*), создающие ощущение наполненности пространства, его монументальности, и глаголы (*стремятся, крутятся, кипят, шумят*), передающие стремительное разнохарактерное движение. Все это, заметим, — на очень небольшом пространстве одной строфы. Картина наполнена не просто многими объектами, формирующими образ пространства, символическая природа которого уже задана его названием (Океан — солнце), но и объектами с собственной глубокой символикой. В этом плане прежде всего обращает на себя внимание образ *огня*. **Огонь** как символ имеет богатейший ряд смысловых ассоциаций: «Символ жизненной энергии, плодородия, олицетворение солнца и солнечного света, божественный дар, очищение» [4, с. 395]. Как утверждает в словаре Библейского богословия, «со времени избрания Авраама знамением огня отмечена вся история отношений между Богом и Его народом (Быт. 15:17). <...> Огонь не есть единственный символ, выражающий сущность божества: он или сочетается с противоположными символами, как дуновение, вода, ветер, или преобразуется в свет» [5]. Интересно, что у Ломоносова огонь действительно оказывается в окружении символов: **ветер** («вихри крутятся») и **вода** («камни, как вода, кипят, // горячи там дожди шумят»). **Вода** — «один из четырех первоэлементов, основа сущего, первоначальный хаос, из которого впоследствии сотворена (поднята со дна мирового океана) земля» [4, с. 65]. Разумеется, нельзя не заметить, что в данном случае взаимодействие двух символических начал — огня и воды — имеет уникальную особенность. Они словно меняют свою природную сущность: «огненные валы... не находят берегов», т.е. текут как река (вода), камни — элементы земной тверди — «кипят, как вода», а дожди (вода) «горячи». Все это придает картине Океана фантазмагорический характер. Формируется единый образ, включающий в себя, казалось бы, невозможное — слияние огня и воды, слияние, основанное на принципе стремительного движения. Этот образ словно возвращает к первородному Хаосу. Естественно, что картина такой онтологической глубины выводит на библейские ассоциации. И огонь, и вода в библейской традиции проявлены во всей мощи своей амбивалентной сущности. Огонь может символизировать и святость Божию, и Божие наказание, и всепобеждающую любовь. *Вода* также имеет очищающее и преобразующее значение, в христианском сознании это образ, непосредственно соединенный с таинством крещения. «С водой связано не только сотворение... но и гибель мира (ср. мифы о Всемирном потопе)» [4, с. 68]. **Ветер**, запечатленный в образе «пламенного вихря», в картине планетарного масштаба представляет воздух — «один из четырех первоэлементов, мужское, духовное начало, выступает как дыхание, дуновение. <...> В христианстве дуновение есть надмение человека душой, а также приобщение к божественному» [4, с. 69]. Что касается фольклорных представлений, то вихрь обычно связывается со злым и враждебным началом. Очевидно, что и образ пламенного вихря выступает здесь в амбивалентной сущности.

Таким образом, огонь, вода и опосредованно воздух во всей их символической наполненности запечатлевают момент сущностной основы бытия в трагической борьбе. И, конечно, симптоматично, что это великое действие вовлечено в вечность («борющиеся множество веков») и ос-

тается как бы незавершенным («Валы стремятся — не находят берегов»). *Океан — солнце* становится символом вечного движения жизни, символом ее непрекращающегося энергетического импульса, а в ореоле библейских ассоциаций — и символом духовной борьбы.

Следует заметить, что образ *Океан — солнце* в завершении фрагмента получает итоговое определение — «Сия ужасная громада». Это оценка человеческого восприятия, состоящая из двух характеристик — пространственной и эмоциональной, причем обе обнаруживают крайнюю, почти запредельную степень выражения. Увиденное пространство не просто большое, но громадное, и внушает оно даже не страх, а ужас. Соединенные вместе, эти характеристики еще усиливают друг друга. С точки зрения структуры поэтического высказывания фраза «Сия ужасная громада» становится последней точкой в парадигме, условно обозначенной как *Океан* по отношению к человеку. В сравнении с изображением предшествующей картины образ *Океана — солнца* явно противостоит образу мирной земли, обычного утра, освещенного Божественным светом. В таком соположении панорама «Горящего вечно Океана» представляется в особом величии.

Итак, для того чтобы показать Божие величество, Ломоносов представляет образ с многоплановой символикой, суть которого сводится к воплощению высочайшего проявления Божественной мощи. Описывая картину невиданного космического размаха, он ставит ее в контрастную позицию по отношению к предшествующей панораме земной жизни, что дополнительно подчеркивает запредельную масштабность этой картины, оценивает ее в крайней степени возможностей человеческого восприятия. И вот когда интеллектуальный и эмоциональный накал зашкаливает, вводится иная призма, через которую рассматривается эта же картина и получает принципиально другую оценку: «Сия ужасная громада / Как искра пред тобой одна». Сравнение завершает вторую смысловую парадигму лирического движения, условно обозначенную как «*Океан по отношению к Богу*». И приводит к единственно возможному выводу: то, что для человека недостижимая и непостижимая величина, до которой ему никогда не подняться, — «горящий Океан», для Бога всего лишь «искра». Столкновение не просто разномасштабных величин, но величин контрастных — это своего рода художественное доказательство «Божиего величества».

Так в художественной форме, в сопряжении образов, казалось бы, несоединимых, Ломоносов с восторгом изображает мечту о приближении человека к солнцу, обнаруживает метафизическое пространство, сокрытое от «смертного», и, наконец, приводит к утверждению истины, которая известна автору и проведена им через весь сюжет — это истина о безграничном и безмерном величии Бога.

Список литературы

1. Гуковский Г.А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927.
2. Ломоносов М.В. Сочинения. М.; Л., 1961.
3. Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.
4. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.; СПб., 2008.
5. Словарь Библейского богословия. URL: <http://www.krotov.info/library/bible/comm/slovardufur.htm>

Об авторе

О.Н. Павляк — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, pavlyakon@rambler.ru

Author

Dr. O.N. Pavlyak, Associate Professor, IKSUR, pavlyakon@rambler.ru